

Переводы и публикации

Евгений Афонасин

Дамаский в Афинах: избранные фрагменты его «Философской истории»*

EUGENE AFONASIN

DAMASCIUS IN ATHENS: SELECTED FRAGMENTS OF HIS *PHILOSOPHICAL HISTORY*

ABSTRACT. In this paper, I trace the evolution of the Neoplatonic school in Athens on the basis of select fragments from Damascius' *Philosophical History*. The first group of fragments is concerned with the Athenian intellectual scene of the 470s, and treats the complicated relations between Proclus and his students and opponents. Damascius vividly presents such peculiar personalities as the sophist Lachares and his followers Superianus and Metrophanes, the students of Plutarch Nicolas and Odeananthus and, above all, the controversial figure of the 'Cynic' philosopher Salustius, who tried to lead the young away from philosophy by convincing them that "it is impossible for men to philosophize". The second group of the fragments treats the circumstances (and intrigues) surrounding the Platonic succession in the early 480s, shortly before Proclus' death. Damascius present us with a whole gallery of philosophical portraits: mysterious and ascetic Isidore, pragmatic Asclepiadotus and Hegias and, finally, sober and diligent Marinus, the successor of Proclus, who, unlike his teacher, in his exegeses of the *Parmenides* thought that the dialogue deals with species rather than gods. As an appendix, a Russian translation of the relevant fragments is provided.

KEYWORDS: philosophy in Athens, education, Neoplatonic school, Christianity and paganism.

© Е.В. Афонасин (Новосибирск). afonasin@gmail.com. Институт философии и права Сибирского отделения Российской академии наук. Новосибирский государственный университет.

Платоновские исследования / Platonic Investigations 13.2 (2020)

DOI: 10.25985/PI.13.2.14

* Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках проекта № 19-013-00004 «Эволюция пространства образования и пространства знания в поздней Античности».

Афины в представлении Дамаския были тихой гаванью, укрытием, спасающим от константинопольских политических баталий и ярости александрийских религиозных фанатиков, хотя и здесь великое наследие Платона заметно потускнело в руках беспринципных ораторов и узколобых комментаторов, продолжавших решать лишь одним им понятные задачи. И христианство представлялось скорее симптомом, нежели причиной упадка древней традиции, как никогда ранее нуждающейся в переосмыслении и возрождении. Успех, сопутствующий Дамаскию в этом предприятии, и обеспеченный им беспрецедентный рост престижа философского образования в Афинах привели к неминуемому краху — запрету на преподавание философии в соответствии с императорским декретом 529 г. Но это случилось потом. В начале шестого века молодой и амбициозный философ, получивший разностороннее риторическое и философское образование в знаменитой школе Гораполлона в Александрии и бежавший отсюда вместе со своим учителем Исидором, спасаясь от преследований христианских фанатиков, стремится возродить школу — духовно и физически¹, собрав в Афинах, по словам Агафия Схоластика, лучшие умы «всего эллинского мира» (*Hist.* 2.30.3).

Изучаемый нами памятник возникает именно в этом контексте, будучи создан, как можно предположить, в первую декаду 6 века, на ранних этапах публичной карьеры Дамаския, стремящегося не только обозначить место своей школы в академической традиции платонизма, но и определить те цели, которые стояли перед этим новым образовательным учреждением. Не исключено также, что тот биографический материал, который Дамаский представил в своем труде, переосмысливался им постепенно по мере развития событий, в том числе и после закрытия школы и вынужденного путешествия афинских платоников в Персию.

Текст «Философской истории» до нас не дошел и восстанавливается на основании выдержек из позднейших компиляций,

¹ О предполагаемом месте школы Дамаския — доме С на склоне афинского Ареопага — см. Athanassiadi 1999: 343–346; Afonasin, Afonasiina 2014.

поэтому его оригинальную композицию восстановить невозможно. Полимния Атанассиади (Athanassiadi 1999) в своем издании условно делит фрагменты на несколько разделов. Первыми даются несколько вводных замечаний об эллинистическом Египте (fr. 1–4), в следующем разделе собраны те отрывки, которые позволяют составить портрет Исидора, учителя Дамаския (fr. 5–38)², затем следует ряд разделов, собственно и составляющих «философскую историю», как в Александрии (fr. 39–58, 71–96, 106–131), так и Афинах (fr. 59–70, 97–105, 145–152). Отдельно можно выделить группу фрагментов (132–144), так или иначе касающихся «философского обращения» Дамаския и его путешествия вместе с Исидором из Александрии, через Газу, Бостру, Берит, Афродисию и другие города, в Афины.

Разнообразные сведения о философской жизни в Александрии и злоключениях философов платоников в этом некогда высококультурном городе мы рассмотрим впоследствии, с Афинами же мы впервые встречаемся в fr. 59, где, вполне предсказуемо, Дамаский говорит о Прокле. Несмотря на фрагментарность текста, перед нами раскрывается довольно пестрая и разнообразная картина философской жизни в Афинах начиная со времен бесспорного основателя местной школы неоплатонизма Плутарха.

Из всех афинских философов того времени молодого Дамаския, должно быть, более всех впечатлил сириец Салюстий, кого современники считали киником, со всей прилагающейся к этому статусу атрибутикой. Он босиком обошел всю ойкумену (fr. 66с), никогда не готовил пищу (66d) и, подобно Диогену Синопскому, дерзко и остроумно отвечал на вопросы сильных мира сего (66а). Этот аскетический образ жизни, как сообщается, нисколько не подрывал его физическое и душевное здоровье (66в); кроме того, по сообщению Симпликия (см. прим. к fr. 66г), он позволял себе различные выходки — например, помещал на колени раскаленные угли и проверял, как долго он сможет это выдержать.

² Перевод этих фрагментов см. в моей предыдущей работе: Афонасин 2019.

Салюстий был наставником сократического типа. Он постоянно испытывал и провоцировал молодых людей, заставляя их задуматься, действительно ли они сознательно избрали в качестве своей профессии такой сложный предмет, как философия. Сам Дамаский не стал исключением. По его словам, Салюстий проверял молодежь на прочность, незаметно расставляя для них интеллектуальные ловушки, в которые они попадались из-за юношеской поспешности, тем самым убеждаясь в том, что «недостаточно хороши» для такой стези (fr. 66f). Другим, и не менее эффективным, сценарием, по-видимому, была критика других учителей и школ (66e), причем Салюстий, получивший прекрасное риторическое образование (fr. 6o), а также заслуживший всеобщее уважение благодаря своим моральным качествам (fr. 66av), остроумию (fr. 6o и 66a) и природной «проницательности» (fr. 7o), должно быть, делал это весьма убедительно. К сожалению, до нас дошло лишь одно содержательное сообщение о философии Салюстия. Дамаский пишет, что пятой платонической добродетелью он считал «истинное мнение» о богах, добавляя, что она может быть присуща и совершенно порочным людям (fr. 66a). Это замечание показывает, что Салюстий в каком-то качестве участвовал в обсуждении вопроса о степенях добродетелей, столь важного для неоплатонической школы³. В этом отношении примечательно сообщение о Прокле, который, как отмечает Дамаский, «ставил теологию превыше всех иных разделов философии, а благочестие предпочитал его противоположности — строгой жизни, устремленной к добродетели» (fr. 59e). Если это так, то позиция Салюстия, который, напротив, на протяжении всей жизни стремился к моральному совершенству, но с заметным скепсисом относился к повседневным проявлениям религиозного благочестия, прекрасно показывает источник его разногласий со схолархом афинской школы неоплатонизма (fr. 68).

³ Подробнее об этом (со ссылками на соответствующую литературу) см. Афонасин 2019: 173–178.

Еще одна группа фрагментов касается истории Афинской школы неоплатонизма в период последних лет жизни Прокла и некоторого времени после его смерти в 485 г. Превыше всех своих учеников Прокл ставил Исидора, александрийского философа и уникальную, судя по отзывам Дамаския, личность⁴. Но несмотря на все уговоры Исидор оставался непреклонен, отмечая, что опасается в погоне за людской славой согрешить перед богами (fr. 98D)⁵. Напротив, два других кандидата этой самой славы, по словам нашего историка, только и жаждали. Одним из них был философ Асклепиодот, учившийся в Александрии, а затем, женившись на дочери местного магната, перебравшийся в Афродисию и открывший там свою школу. Как сообщается, по зову Прокла он тут же прибыл в Афины (fr. 99A), однако по каким-то причинам не был избран. Мы не знаем также и о дальнейшей судьбе единственного «любимца» Прокла философа Зенодота (fr. 99B), и трудно сказать, к нему или к Асклепиодоту относится следующий отрывок 99C, в котором описывается реакция кого-то из отвергнутых кандидатов. Должно быть, еще более проблематичным было для Прокла открытое стремление к лидерству надменного баловня судьбы Гегия, сына благодетеля школы, сенатора Теагена. Мы знаем, что для его выдвижения были объективные предпосылки. Прежде всего, Гегий явно обладал определенными талантами, так что Прокл не только лично учил его, но и считал возможным преподать молодому человеку «халдейскую теологию» — то, что обычно завершало, а не начинало круг неоплатонических наук. Но и Гегий — очевидно, небезосновательно — считал себя продолжателем дела своих великих предков — жреца Гегия и основателя школы Плутарха (fr. 145B) — и, будучи их родственником, должно быть, видел не только духовные, но и легальные причины для своих притязаний на распоряжение домом Плутарха, где распола-

⁴ Перевод фрагментов см. Афонасин 2019.

⁵ Можно также высказать предположение, что Исидор понимал проблематичность своей кандидатуры в контексте текущей политической ситуации: ведь он бежал из Александрии, его разыскивали и даже один раз арестовали.

галась школа и жил сам Прокл, а также немалыми фондами школы (fr. 102), к которым, вероятно, готов был добавить и свои собственные. В этом качестве его статус легко сопоставим с положением Спевсиппа, племянника и преемника Платона. Но с другой стороны, стремясь стать «святей других» (fr. 145c), Гегий слишком раздражал окружающих своим религиозным рвением, восстанавливая забытые ритуалы и языческие святыни (даже вопреки желанию родственников), что не могло не вызывать негативную реакцию властей и ярость христианских фанатиков — возможно, не таких многочисленных, как в Александрии, но все же достаточно активных. Ведь кто-то же, по свидетельству Марина, разрушил знаменитый Асклепион в Афинах, в который ходил еще Прокл, стремясь спасти от неведомой болезни Асклепигению, будущую мать самого Гегия (*Procl.* 29). Как бы там ни было, Гегий все же в течение какого-то времени управлял школой — вероятно, после смерти Марина и по просьбе покидающего город Исидора (fr. 151c и e), став, по мнению Дамаския, причиной упадка философии в Афинах (145A).

Непосредственный преемник Прокла, Марин, вызывает у Дамаския неподдельный интерес. Регулярно подчеркивая его слабое здоровье, которое, возможно, не только мешало ему жить, но и не позволяло адекватно понимать «возвышенные толкования» Прокла (fr. 97), Дамаский отзываясь о нем с уважением, подчеркивая его трудолюбие, честность, сдержанность, а также, что немаловажно, политический такт (fr. 100A) — то есть все те качества, которые необходимы человеку для того, чтобы адекватным образом руководить школой и распоряжаться ее имуществом. Напротив, философскую позицию Марина Дамаский совершенно не разделял, равно как и Исидор, критика которого, по легенде, привела к тому, что Марин сам сжег свой комментарий к «Филебу» (fr. 38). Из наших источников мы знаем, что Марин преподавал философию Аристотеля (там же), занимался математикой и придерживался эпистемологического толкования «Парменида», по-

лагая, что этот диалог трактует об идеях, а не о богах, не принимая тем самым учение Ямвлиха и Прокла о генадах (fr. 971J). Это не означает, что теургия и «философская религия» неоплатоников были ему чужды, что отчетливо показывает его жизнеописание Прокла, наполненное чудесными историями и описанием тех самых «чистейших прозрений благословенного мужа», в непонимании которых его обвиняет Дамаский (fr. 971). Философская позиция Марина слегка приоткрывается благодаря небольшому трактату, записанному «с голоса» его учениками — комментарию или, скорее, введению к «Данным» Евклида. Очевидно, Марин в этой работе считает себя продолжателем дела своего учителя: так как Прокл сочинил комментарий к «Началам» Евклида (Morrow 1970, Щетников 2013), его преемник, должно быть, считал себя обязанным прокомментировать другое сочинение великого математика. Строго говоря, дошедший до нас текст не касается математических разделов «Данных», ограничиваясь разбором основных терминов и определений, что, конечно же, подтверждает интерес Марина к эпистемологии и логике⁶. Можно в то же время

⁶ Текст, перевод и комментарий: Taisbak 2003. По сути дела, в дошедшем до нас небольшом отрывке Марин объясняет основные термины этого своеобразного сочинения Евклида, своего рода задачника. Что есть «данное» (τὸ δεδομένον), спрашивает Марин, что́, в целом, представляет собой трактат Евклида и к какой области знаний его следует отнести? Некоторые думают, что «данное» — это нечто постижимое и сводимое к чему-то одному, например к упорядоченному (τεταγμένον), как у Аполлодора, известному (γνώριον), как у Диодора, или выразимому (ῥητόν), как у Птолемея, даже если данные значения известны лишь приблизительно. Другие полагают, что этот термин относится к исходным данным той или иной задачи (количеству точек, отрезкам определенной длины и т.д.). Третьи считают, что данное — это упорядоченное и наличествующее (λόριον), упорядоченное и известное, или известное и наличествующее. Упорядоченному противоположно неупорядоченное (ἄτακτος). Так, единственная прямая, проходящая через две точки, упорядочена, а окружность, проходящая через две точки, не упорядочена, так как она не единственная. Правда, одна и та же фигура может быть в одном отношении упорядоченной, а в другом нет, как, например, равнобедренный треугольник упорядочен в отношении своей формы, но не упорядочен в отношении его величины. Одни вещи нам известны фактически, например длина этой дороги, а другие — в силу их внутренних

предположить, что, как и для Прокла, математика для него представляла интерес лишь в виде достаточно элементарных пролегоменов к изучению платоновской философии.

свойств. Например, если два отрезка «с двумя именами» (ἡ ἐκ δύο ὀνομάτων), то есть такие отрезки, лишь квадраты длин которых соизмеримы (Евс. *Elementa* 10.36), сложить, то целое станет несоизмеримым (ἄλογός ἐστιν) — это мы знаем в силу свойств самого математического объекта. Иррациональное (несоизмеримое, ἄλογα) же как таковое не обязательно неизвестно (ἄγνωστα). Наличествующее — это то, что можно сконструировать, а также то, что очевидно без доказательства (даже если сами вещи не определены). Напротив, отсутствующее (ἄλорον) — это то, что нам «не под силу», например квадратура круга.

Затем, определив понятия, Марин рассматривает их совместное использование. Например, как соотносится упорядоченное и неупорядоченное, с одной стороны, и наличествующее и отсутствующее — с другой? Спираль была упорядоченной, однако не наличествующей, для математиков до Архимеда, тогда как объекты, возникающие бесчисленными способами и будучи в этом отношении неупорядоченными, становятся наличествующими, если предложить способ их конструирования. Можно также заметить, что не все, что известно, наличествует, однако все, что наличествует, известно; несоизмеримые отрезки известны, но не выразимы, тогда как все целые числа выразимы, но не все они известны; несоизмеримые объекты могут быть наличествующими, но ничто выразимое не может быть невыразимым и т.д. Главное, доказывает Марин, комбинируя эти термины, понимать разницу между свойствами самих вещей по природе и нашим знанием или незнанием об этих свойствах. Архимед доказал упорядоченность многих вещей, которые не считались таковыми его предшественниками. Если не замечать этого, то мы будем путать примеры «в отношении нас», «в отношении их природы» и «в отношении измерения».

Поэтому, определяя предмет трактата Евклида, Марин предлагает сразу же отбросить первое — перед нами отнюдь не просто задачи, «данные» (как это представляется некоторым) теми, кто их сформулировал. Второе и третье он предлагает не разделять, так как это неизбежно приводит к неполному определению. Полное же определение «данного» всегда должно включать в себя как известное (γνώριον), так и наличествующее (πρόιον), причем первое Марин предлагает трактовать по аналогии с родом (γένει), а второе — с различием (διαφορῆ). Только на этом пути мы приближаемся к «научным определениям» (τοῖς ἐπιστημονικῶς... ὀρισμοῖς). Таково, собственно, содержание этого небольшого сочинения. В заключительной его части Марин кратко указывает место трактата среди других сочинений Евклида и, со ссылкой на комментарий Паппа к «Данным», заключает, что метод этого сочинения — это анализ, а не синтез.

Дамаский. Философская история (Жизнь Исидора)
Избранные фрагменты

Полный текст этого произведения Дамаския не сохранился, однако он был доступен патриарху Фотию (IX в.), охарактеризовавшему его как «не столько жизнеописание Исидора, сколько рассказ о других людях, как его предшественниках, так и современниках». Выдержки из этих рассказов он цитирует и пересказывает в разных местах своей монументальной «Библиотеки» (причем сначала он выбирает некоторые биографические сообщения, а затем возвращается к началу сочинения и использует те разделы, которые понравились ему по литературным соображениям). Фотий отмечает также, что книга состояла примерно из 60 глав и была слишком большой, чтобы считаться биографией. В лексиконе Суда (X в.) наше сочинение названо «Философской историей» и используется в качестве источника примеров употребления различных слов и выражений, а также для биографических статей. В ряде случаев сведения из Фотия и Суды пересекаются. Фрагменты сочинения Дамаския впервые собрал и перевел на немецкий язык Рудольф Асмус (Asmus 1911). На основании этой работы спустя полвека их издал Клеменс Цинтцен (Zintzen 1967). Наконец, Полимния Атанасиади (Athanassiadi 1999) вновь изучила и систематизировала доступные нам свидетельства. Данный перевод избранных фрагментов из «Философской истории» основан на этой публикации.

В данной работе ссылки на «Библиотеку» Фотия даются, как и в книге Атанасиади, по изданию Henry 1959–1977 в форме Ф 6, где 6 — это номер соответствующей выдержки. Лексикон Суда полностью доступен по изданию Adler 1928–1938, и ссылка Σ 3.35.30 указывает на соответствующую книгу (3), главу (35) и раздел (30) лексикона. В некоторых случаях отрывки выглядят как цитаты из нашего сочинения, в других — это лишь пересказ его содержания. В ряде случаев имя Дамаския не упоминается, поэтому я сохраняю астериски, предложенные Полимнией Атанасиади для того, чтобы отметить статус того или иного фрагмента: Σ* указывает на то, что данный отрывок из Суды по всем признакам принадлежит Дамаскию, хотя его имя и не названо, а *Σ указывает на тот факт, что в данном случае авторство Дамаския вероятно, но не может быть подтверждено. Угловыми скобками отмечены лакуны текста, квадратными — пропуски и пояснения перевода.

А (Σ 2.163.9 + Φ 248 + Φ 249 + Φ 80 + Σ 1.289.9) Исидор преисполнился радости, увидев Прокла, чей вид внушал уважение и почтение настолько великие, что казалось, будто смотрящий на него вглядывался в лицо самой философии. Но и Прокл подивился тому, насколько духовность и полнота внутренней философской жизни проявлялись в самом Исидоре. Ведь его глаза выдавали живость ума и вместе с тем — чудесную величавость и неподдельную скромность, которые не могли не привлечь философа, тут же допустившего молодого человека во внутренний круг своих учеников⁷.

В (Σ^* 4.588.27 + Σ^* 4.648.27) Прокл предписал Исидору преобразиться для лучшей жизни и надеть грубый плащ [философа] ($\tau\rho\iota\beta\omega\nu\omicron\nu\omicron\rho\epsilon\iota\nu$). Но тот не решился на это, хотя и почитал Прокла как бога.

С (Σ^* 4.650.30) Он не «перешагивал, — в соответствии с речением, — через порог»⁸ в отношении благочестия, но, установив для себя правила, соответствующие его возрасту, к божественным предметам подходил, соблюдая благородство и чистоту.

Д (Σ^* 4.421.11) Исидор говорил, что молодому человеку, только что прикоснувшемуся к философским речам, приличествует старательное изучение философии, тогда как благочестивое стрем-

⁷ Для $\gamma\nu\omega\rho\iota\psi\omicron\nu\epsilon\iota$ $\epsilon\lambda\omicron\iota\epsilon\iota$ (ср. Marin. *Procl.* 38, Porph. *Plot.* 7). Атанассиади (1999: 165, п. 137) отмечает и более обыденное значение: «принял, как старого знакомого». Ср. также fr. 17, где Дамаский описывает живость глаз Исидора в еще более превосходных выражениях.

⁸ *Orac. Chald.* fr. 176, цитируемый также в *Procl.* 13, где Марин описывает процесс обучения Прокла. Согласно биографу, наставнику Прокла Сириану важнее всего было не нарушать последовательность предметов, поэтому от логических, этических и физических сочинений Аристотеля он сначала перешел со своим учеником к «теологии» Стагирита и лишь затем, «не перешагивая» раньше времени «через порог», ввел его в круг «малых мистерий» — «мистагогию Платона», после освоения которой, снова в должное время и в нужной последовательности, Прокл под руководством наставника перешел к средоточию всей платонической мудрости — диалогу «Тимей».

ление и боголюбие подобает скорее тем, кто далеко продвинулся на этом пути, как по возрасту, так и в отношении философии.

Е (Σ* 2.375.27) Прокл ставил теологию превыше всех иных разделов философии, а благочестие очевидно предпочитал его противоположности — строгой жизни, устремленной к добродетели.

Г (Σ* 4.780.11) Прокла поражала способность Исидора подражать голосам птиц и их зову. Порой же, во время проведения халдейских ритуалов, он показывал способ имитации того, как различные пернатые, такие как маленькие воробьи и домашняя птица, хлопают крыльями, готовясь взлететь.

60

(Σ 4.315.12 + Φ 250 + Φ 82 + Φ 81) Салюстий. Он прибыл в Александрию из Афин вместе с философом Исидором. Характер Салюстия всем казался странным, поскольку философствовал он в удручающей манере, а дурачился смехотворно, хватая через край, как мне кажется, и в том, и в другом. Ведь для подобного образа жизни важна прежде всего рассудительность.

По отцовской линии Салюстий происходил из <...> Сирии, тогда как по материнской — из Эмесы. Его отца звали Василидом, а мать — Феоклеей. Наделенный природой разнообразными способностями, а также мрачным и честолюбивым характером, он сперва обратил свой взор на желанное для него судебное красноречие и пошел в ученики к софисту Евною, который тогда был в Эмесе. Впоследствии же [карьеру] правоведа он променял на жизнь софиста и начал старательно штудировать ораторов, своим трудолюбием поражая окружающих не менее, чем природными талантами, ведь ему удалось выучить наизусть все публичные речи Демосфена. Преуспел он и в их произнесении, причем не так, как это делают современные софисты, но практикуя сочинение речей с определенным налетом древности. И речи, которые он написал сам, были ненамного хуже древних.

Он напоминает в этой связи о нашем соотечественнике Маркелле, друге Евною, который выучил наизусть все восемь книг «Истории» Фукидида, однако не в силах был вымолвить ни слова,

достойного внимания. Рассказывают и о Нонне, который шесть раз прочитал всего Демосфена, и все же так и не смог сочинить ни одной сколь-либо сносной речи. Так что выучить кучу всего наизусть и хорошо написать самому — это не одно и то же.

И так как Салюстий уже достиг ощутимых успехов в этом искусстве и, будучи самоуверенным молодым человеком, склонным к горделивым речам и считающим Евной недостойным себя (*так как оратор Евной был тугодумом*)⁹, он отплыл в Александрию и начал там пробовать учиться то у одного учителя риторики, то у другого.

61

(Σ 4.399.19 + Φ 83) Супериан, софист, родом исавриец, из школы Лахариса¹⁰. Этот Супериан учиться начал довольно поздно и был несколько глуповат по природе, однако отличался таким трудолюбием и старанием, что, начав лет в тридцать с небольшим изучать сочинения ораторов и все то, что относится к свободным искусствам, сумел, нещадно понукая себя и погоняя, изучить в этом возрасте все то, что все другие осваивают еще детьми, принуждаемые к этому педагогами и учителями. В публичных банях у этого Супериана нередко видели раны, которые он сам себе нанес. Правда, ожидания его вполне оправдались, так как вскоре о нем заговорили как о софисте «в Афинах великолепных и славных»¹¹, не уступающим в известности самому Лахарису¹².

62

А (Σ 4.399.30 + Φ 84) Но мне известно и то, что Лахарис стал софистом скорее благодаря старанию, нежели природному дарова-

⁹ Очевидная ремарка Фотия.

¹⁰ Марин (*Procl.* 11–12) пишет о Лахарисе в самых превосходных выражениях и рассказывает историю о том, как они вместе с Сирианом впервые встретили молодого Прокла и убедились в том, что иноземный юноша также поклоняется лунному божеству. Именно этот эпизод стал определяющим в решении Сириана представить Прокла Плутарху и затем взять себе в ученики.

¹¹ Строка из Пиндара (fr. 76 Mähler).

¹² Характеризуя Лахариса, Марин отмечает, что в софистическом искусстве он достиг таких же высот, как Гомер в поэзии (*Procl.* 11).

нию. Ведь мне попадались тексты его речей. И мне показалось, если судить по этим речам, что он был скорее старательным, нежели даровитым от природы. Я также видел скульптурный портрет этого человека, который наглядно являл природу Лахариса. Неторопливый в речах, своим обликом он воплощал такие добродетели, как красота и благо, так что его скорее следовало бы называть философом, нежели софистом. Так что в целом Лахарис был человеком, любимым богами, который, сперва утратив их видения, затем возвратился к ним.

В (Ф 85) Святой человек, великолепно [подготовленный] к вакхическим таинствам.

С (Ф 86 + Σ 3.391.21) Софист Митрофан был потомком Лахариса. Еще в детстве, будучи совсем ребенком, он кричал: «Я — лысый Аристофан», — хотя и не мог ничего об этом знать даже понаслышке. Когда же люди, слышавшие эти крики, спрашивали его, что он имеет в виду, то он решительно настаивал на том, что не имеет никакого понятия о смысле сказанного. Софист Супериан написал речь против этого Митрофана.

63

А (Ф 87) Он [Дамаский] говорит, что видел статую Афродиты с посвянительной надписью софиста Герода¹³. Когда я увидел ее [впервые], то даже вспотел от страха и смятения, а моя душа наполнилась такой радостью, что я не в силах был покинуть это место и пойти домой. Несколько раз впоследствии я приходил сюда только для того, чтобы посмотреть на нее. Сколь прекрасно изваял ее скульптор! В ней не было никакой слащавости и чувственности (ἀφροδίσιον), но лишь степенность и мужественность: в полном вооружении, словно только что вернувшись с победой, она стояла с выражением удовлетворения на лице.

В (Ф 88) Гиерий, сын Плутарха¹⁴, изучавший философию у Прокла, видел в так называемом доме Квирина отдельную человеческую голову, размером и формой не отличающуюся от горо-

¹³ Ремарка Фотия.

¹⁴ Плутарх Афинский, учитель Прокла (см. о нем следующий фрагмент).

шины. Поэтому ее так и назвали — горошина (ἐρέβινθος). Во всех остальных отношениях это была человеческая голова, с глазами, лицом, волосами сверху и полным ртом, причем этим ртом она кричала, как тысяча человек, настолько громко [...]»¹⁵.

64

(Σ* 3.469.1) Николай¹⁶, ритор, ученик Плутарха и Прокла (я говорю о Плутархе, именуемом Несторием)¹⁷. Написал подготовительные упражнения, пособия по риторике и другие сочинения. Прозвездил в правление Льва Старшего, а также Зенона и Анастасия.

65

(Σ* 3.507.16) Оденаф, сириец. Он посещал философа Плутарха, заполняя занятия наставника множеством вопросов, которые скрывали рассуждение и не позволяли его завершить. Но Оденаф был слабее в тех случаях, когда следовало ухватить саму истину. Ведь он [должно быть, Плутарх] не считал, что философ должен лишь выслушивать вопросы и в зависимости от тех или иных обстоятельств давать на них ответы. Более того, трудно и почти невозможно человеку говорить или размышлять о богах.

66

А (Σ 4.316.4) Салюстий, философ, который сказал, что людям

¹⁵ Далее Фотий отмечает, что описания различных «чудес» содержатся в книге Дамаския в большом количестве.

¹⁶ Сочинения Николая см. Walz 1832–1836: 1.266–420. Видимо, он был скорее соучеником Прокла, чем его учеником. Согласно Марину (*Procl.* 10) именно Николай (который тоже был родом из Ликии) встретил Прокла в Пирее и проводил в Афины, предложив по дороге воды из священного источника, расположенного рядом со статуей Сократа, что Марин интерпретирует как добрый знак.

¹⁷ См. также fr. 89a ниже. Это двойное имя может косвенно указывать на то, что отцом основателя афинской школы неоплатонизма Плутарха был Несторий, жрец, которому Зосима (*Hist.* 4.18.2–4) приписывает спасение Афин от землетрясения в 375 г. (Athanassiadi 1999: 173, n. 149). Марин (*Procl.* 28) отмечает, что «халдейские ритуалы», которые знал этот «великий» Несторий, были переданы им самому Плутарху и дочери Плутарха Асклепигении, от которой, в свою очередь, знание этих ритуалов перешло к Проклу. Здесь важно отметить специальную связь этого рода с культом Асклепия, которая также передалась и Проклу (см. Afonasin 2017).

нелегко философствовать, да и невозможно. Выслушав эту речь, я пришел от нее в ужас, так как это было не только неверно, но и недостойно обсуждения. Однако Салюстий знал, как выразить суть дела (τὸ ἐνόν). Он не упрекал всех философов просто так, но, будучи по природе противником порочных людей или, по Гераклиту, «толпоненавистником»¹⁸, нападал на всякого оступившегося и никогда не упускал случая вступить с кем-нибудь в спор или поднять его на смех. Иногда он делал это серьезно, но в основном в шутку или в виде насмешки. Был Салюстий довольно остроумным и по природе склонным к колкостям, причем одарен он был этой способностью в высшей мере, что, впрочем, типично для их народности¹⁹. Салюстий примечателен и тем, что истинное мнение о богах называл пятой добродетелью²⁰, полагая, что она присутствует иногда даже в самых порочных людях. Когда же чужеземцы, восхваляя его прочие достоинства, говорили, что ему не хватает только одного — он не разделяет ту же веру в богов, что и большинство, — то он ответил, что предпочел бы этот один [недостаток] оставить, дабы не раздражать Немезиду. Когда же Пампрепий, облеченный в то время величайшей властью, красуясь, спросил его: «Что есть боги для людей?» — то он ответил: «Кому не ведомо, что я еще не стал богом, а ты уже [перестал быть] человеком?». Вот то, что касается Салюстия. Философствовал он в кинической манере.

В (Ф 89 + Σ 2.678.24) Склонный к кинизму (κινιζῶν), Салюстий

¹⁸ Точнее, так Тимон характеризовал самого Гераклита (ср. DL 9.6; A 1 DK).

¹⁹ Салюстий был родом из Сирии.

²⁰ Наряду с четырьмя кардинальными платоническими добродетелями — рассудительностью, мужеством, самообладанием и справедливостью. О сложной системе степеней неоплатонических добродетелей, таких как естественные (φυσικαί), этические (ἠθικαί), гражданские (πολιτικά), очистительные (καθαρτικά), созерцательные (θεωρητικά), парадигматические (παραδειγματικά), иератические или теургические (ιερατικά / θεουργικά), см. Афонасин 2019. Возможно, Салюстий включился в дискуссию по их поводу (тогда его пятая добродетель должна быть очистительной, позволяющей освободиться от эмоций, или созерцательной, возводящей от души к уму) или, что вероятнее, просто высмеивал сложную неоплатоническую систему.

не ходил проторенной философской дорогой, но выбирал ту тропу, что продирается сквозь споры, брань и, особенно, тяжкий труд ради добродетели. Обувался он, кстати, редко, когда же носил обувь, то повсюду путешествовал в аттических ификратидах²¹ или простых сандалиях. И все же никто не видел его больным телесно или страждущим душевно сколь-либо продолжительное время, и он, как говорят, «покорно влачил» такое существование.

С (Ф 251) Босиком обошел он, как говорят, весь обитаемый мир.

Д (Σ* 4.837.1) После посещения Салюстием жилища учеников он замечал, что жаровни²² так и оставались чистыми и незакопченными, словно только что куплены на рынке. Ведь в течение долгого времени он настаивал на том, что есть нужно лишь сырую пищу.

Е (Σ 1.282.9) Салюстий отвращал молодежь от философии, провоцируя их одним из двух способов: либо, нанося оскорбления учителям и не скрывая своей к ним ненависти, он плел козни и против философских школ, либо, подробно описав величие этого занятия, затем доказывал, что никто из людей не достаточно хорош для него.

Ф (Σ 1.314.8) В действительности случалось и так, что молодые люди, выказывающие любовь к философии, подвергались проверке, как золото огнем. И даже если он и не говорил, что это испытание, оно все же было испытанием, и немалым — своего рода притворным стремлением, западней, поставленной для незрелой поспешности. По крайней мере, меня он пытался остановить, убеждая в том, что занятие это наитруднейшее.

Г (Σ* 1.70.26) Афинодор был прекрасно подготовлен к выбору стези философа, и в силу природной склонности и после здравых размышлений <...> пока Прокл был жив. Он предлагал своим приверженцам очень ясные толкования. Поражаясь его основательности, Салюстий говорил, что он не человек, а огонь, воспламе-

²¹ Ἴφικρατίδης — обувь, введенная Ификратом для военных во время Коринфской войны (395–387).

²² Жаровня на ножках (χυτρόπους), мангал.

няющий все, что лежит поблизости (παρακείμενα)²³. И все же он убеждал Афинодора оставить занятия философией.

67

(Σ* 2.507.24) Зенон, александриец, муж иудейского происхождения, отвергший иудаизм прилюдно перед своими братьями — проведя, как у них установлено по закону, в нерабочий день [субботу] белого осла через место их собрания, именуемое синагогой. Этот Зенон был по природе человеком честным и благочестивым, но в речах и науках туповатым (ωθέστερος), вечно стремящимся что-нибудь выучить и задающим вопросы по поводу того, в чем не разбирался. А не разбирался он практически во всем. Ведь он был настоящим тугодумом и скорым предателем того, что понял, по причине своей забывчивости²⁴.

68

(Σ* 2.507.31) Был среди учеников Прокла и другой Зенон, живший в то же время и родом из Пергама. Он также по природе был слабоват в науках, но человеком дельным и строгих правил. Вот только который из них способствовал возникновению разногласий между Салюстием и Проклом — этого я не могу сказать.

69

А (Σ 3.325.23) Марцеллин²⁵, муж снисходительный и благород-

²³ Слово «приверженцы» (οἱ πλησιάζοντες) буквально означает «находящиеся поблизости». Правда или нет, но Симпликий (*In Epict.* 40.29–32 Dübner) передает, что сам Салюстий имел обыкновение класть раскаленный уголь себе на колени и, раздувая огонь, проверять, долго ли он сможет так просидеть.

²⁴ Возможно, саркастический намек на отступничество, с которого начинается этот фрагмент: Зенон «забыл», что он иудей.

²⁵ Марцеллин командовал войсками во времена западноримского императора Анфимия (467–472), провел ряд успешных кампаний против вандалов в Сицилии и Сардинии и в 468 г. должен был отправиться от берегов Сицилии со своим флотом, спешащим на помощь византийскому военачальнику Василиску, движущемуся на Карфаген. Именно в это время он пал жертвой заговора, вероятно, инспирированного его соперником Рикимером. Тогда же Василиск потерпел поражение на море в результате коварного маневра Гейзериха, когда после заключения перемирия с византийцами вандал неожиданно напал на их

ный. Он правил Далмацией, областью в Эпире, населенной иллирийцами, получил ромейское воспитание, знал толк в мантике и в целом был человеком образованным. Он правил независимо, не подчиняясь ни василевсу ромеев, ни другому национальному правителю, но сам устанавливал себе закон, управляя подданными справедливо. В политике ему были присущи сдержанная разумность и удивительное мужество в том, что касалось забот о делах военных.

В (Ф 90) Хорошая и похвальная политика и настолько же достойное человеколюбие.

С (Σ^* 2.473.20) Армия, ведомая Марцеллином, отличалась легкостью вооружения.

Д (Ф 91 + Σ 3.325.30) Царь Карфагена Гейзерих, услышав о том, что ромеи устранили своего союзника Марцеллина хитростью и несмотря на данную ему клятву, очень обрадовался в предвкушении победы и, как считали, произнес слова, подобающие скорее ромейскому василевсу, нежели карфагенянину. «Они, — сказал он, — левой рукой сами отрубили себе правую». Марцеллин был самовластным правителем Далмации и придерживался эллинской веры. С ним общался философ Салюстий.

Е (Σ^* 4.136.15) Столь крепкой надеждой их спланивала та верность ($\pi\sigma\tau\acute{o}\tau\eta\varsigma$), которую Марцеллин проявлял в отношении божественных предметов.

70

(Ф 92) Глядя в глаза встречающихся ему людей, Салюстий предсказывал в отдельных случаях ожидающую их насильственную смерть. Сам он не мог объяснить причину такого предвидения, однако, будучи спрошен, в качестве возможных причин пытался указать на темноту глаз, их затуманенность и повышенную влажность, вроде той, что в момент горя проникает даже в зрачок. *И еще он говорит, что некто Ураний, житель сирийской*

флот и сжег значительную его часть брандерами. Подробнее см. Гюнтер, Корсунский 1984: 79. Из исторических источников и от Дамаския мы знаем, что Марцеллин симпатизировал язычникам и, возможно, водил дружбу с философами.

Апамеи и правитель палестинской Цесареи мог, по его [Дамаския] словам, подобным же образом по глазам распознать треклятых (πολυάρτους) колдунов. Этот же автор упоминает и о некоем Номе, своем соотечественнике, который, вглядываясь в глаза встречающихся ему людей, распознавал еще не пойманных убийц²⁶.

97

А (Ф 141) Преемник Прокла Марин, родом из Неаполя в Палестине, лежащего близ горы по имени Аргариз [...] Здесь находится святейший храм Зевса Высочайшего²⁷, которому, как об этом рассказывал сам Марин, приносил жертву Авраам, прародитель древних евреев. По своему исходному происхождению самаритянин, Марин отверг их веру, которая представляла собой отдельное течение в авраамической религии, и возлюбил эллинизм.

В (Ф 274) До самой своей смерти он воздерживался от телесного совокупления. И даже худшие его недоброжелатели не нашли бы повода для выдвижения против него ложных обвинений подобного рода.

²⁶ Курсивом выделен пересказ Фотия. Ном изучал риторику в школе Горуполлона в Александрии вместе с Севером Антиохийским. Во fr. 106b и 109 его характер описывается в самых превосходных выражениях. Возможно, эта информация о Номе также происходит из другой части сочинения Дамаския.

²⁷ Имеется в виду храм Баал-Шамина («Баала Небесного»), некогда располагавшийся на горе Гаризим. Согласно *Втор. 27:2–8*, по приказанию Моисея на горе был установлен жертвенник с «заповедями». В качестве верховного небесного бога Баал-Шамин естественно отождествлялся с Зевсом, а затем с Юпитером (святилище которому на этой горе заложил император Адриан). «Новый город» (Νεάπολις, совр. Наблус) был основан римлянами в 72 г. до н.э., а в 244 г. императором Филиппом Арабом преобразован в колонию Julia Neapolis. Oikonomides 1977: vii–xi заметил, что на монетах этой колонии впервые появляется надпись ΘΕΟ ΜΑΡΙΝΩ, что, должно быть, указывает на установление императором культа своего отца, Марина. Очевидно, это имя могло с тех пор пользоваться определенной популярностью у жителей города, даже если знание о его истинном происхождении ко времени рождения нашего философа было утрачено. Христианский апологет Юстин, родившийся в этом городе ок. 100 г. н.э., христиан здесь не встречал, зато упоминает о платониках. Неаполь был многонациональным и в то же время эллинизированным городом, что делает гипотезу о самаритянском или иудейском происхождении Марина избыточной.

С (Ф 142) Однако благодаря трудолюбию и неумным стараниям Марин одним своим именем смог похоронить славу многих более даровитых и более пожилых людей, чем он сам.

D (Σ 3.600.29) Этого человека не получалось должным образом ни обследовать, по причине поразившей его телесной слабости, ни расспросить, из опасения, что это причинит ему беспокойство²⁸.

Е (Ф 143) Исидор не позволял его расспрашивать, как по причине поразившей его телесной слабости, так и из опасения, что это причинит ему беспокойство.

Г (Ф 144) Как становится очевидным из его речей и сочинений (каковых немного), Марин не сумел проложить глубокую борозду идей, из которой бы проросли мудрые созерцания природы сущих вещей.

Г (Ф 145) Лучший наставник в науке наблюдения звезд — Птолемей.

Н (Ф 146 + Σ 3.261.3) Он старательно выписывал выдержки из комментаторов, составляя для себя памятные заметки и накопления на случай, по слову Платона²⁹, старческой забывчивости.

І (Ф 275) По причине природной вялости³⁰, Марин не выносил возвышенные толкования «Парменида», который предлагал его учитель, и низводил его созерцания из области сверхсущих генад к идеям, следуя в этом скорее мыслям Фирма и Галена³¹, нежели чистейшим прозрениям благословенного мужа.

²⁸ В этом и ряде последующих фрагментов подчеркивается, что Марин имел слабое здоровье.

²⁹ Имеется в виду знаменитое место из «Федона» (276d). О памятных заметках, как «лекарстве для памяти» говорят многие античные авторы.

³⁰ Вероятно, имеется в виду физическое состояние Марина, а не только его интеллектуальные способности.

³¹ Врач Клавдий Гален слушал лекции платоника Альбина и сам написал ряд философских работ, в том числе комментарий к «Тимею» Платона (правда, только к физиологической его части). Кроме того, он целенаправленно критиковал стоические теории и отстаивал верность платонического трехчастного деления души. Наверное, в этом смысле его можно назвать платоником. Кастриций Фирм был римским сенатором и учеником Платина (Porph. Plot. 7), однако мы

Ј (Σ 3.324.25) Он заранее сообщил ему [Исидору] в письме свое мнение о гипотезах и толковании «Парменида». В нем Марин переслал ему собранные воедино доводы, в силу которых он считал, что диалог касается не богов, но идей. Он даже сочинил комментарий, в котором истолковывал диалектические гипотезы «Парменида» указанным способом. Исидор послал ему письменный ответ, в котором привел бесчисленные доводы в пользу того, что теологическое толкование диалога более истинно, так что, если бы эта книга не была уже опубликована, то он и ее бы уничтожил³². Возможно также, что его остановил вещий сон, ведь Прокл сказал как-то, что видел во сне, будто Марин написал собственный комментарий к «Пармениду».

К (Ф 147) Заметив [болезненные] истечения из его тела, Прокл испугался за юношу.

98

А (Ф 148) Усопший, ныне достигший блаженства — я говорю о его душе и об образе его души — отчетливо предстал передо мной, когда я лежал на этой кровати.

В (Ф 149) Значит, несправедно всякое недоверие к словам³³, которые подтверждаются ясным видением величайшего из мудрецов, тем, что лишь недавно услышал человек, второй после него в своей правдивости, и, в-третьих, известием о нашем правдолюбивом послании, которое призвано передать это сочинение.

С (Ф 150 + Σ 1.254.26 + Σ 1.336.28) Убеждая его [Исидора] оправдать возлагаемую на него надежду, Прокл вдобавок ко всему просил не отвергать его отеческое пожелание, не ронять славу Платона, не взваливать себе на плечи (*κατανωτίζεσθαι*) груз решения Ямвлиха и Плутарха, ну и, конечно, подумать прежде всего не о личном выборе, а об общественной пользе. Однако, чем бо-

ничего не знаем о его философских воззрениях. О неоплатонической теории генад см. Месяц 2013.

³² См. fr. 38A, где говорится, что после критики со стороны Исидора Марин уничтожил свой неопубликованный комментарий к «Филебу».

³³ Очевидно, приводится тот вывод, который Дамаский делает на основании этого видения.

лее в его речи подчеркивалась значимость преемства, тем более непреклонным становился Исидор, понимая, что это бремя для него слишком неподъемно. «Если бы некто, — говорил он, — призвал меня стать жрецом, то, признавая богоугодность этого дела и его святость, я вместе с тем все же признал бы и то, что страшусь этого выбора из-за собственной слабости. Преклоняя колено и робея при виде этого великого, и даже безмерно великого, жреческого чина, я отказываюсь, по словам Пиндара, не от худшей доли, но от той, что слишком хороша для меня»³⁴.

D (Σ^* 3.390.14) Его [Прокла] повеление не убедило Исидора, и ему вспомнилась строка из Ивика о том, что только согрешив перед богами, он заслужит людскую славу³⁵.

E (Φ 151) Прокл боялся, что «златая цепь» воистину тянущаяся от самого Платона, может покинуть наш город Афины,

F (Φ 152) боялся он [этого] и из-за физической слабости Марина <...>

99

A (Φ 153 + Σ 1.109.10) В нем развилась истинная страсть к философии, так что, разорвав все земные путы и поправ всякую надежду на обретение славы и материального благополучия, он прибывает к Проклу в Афины.

B (Φ 154) Так описывали и философа Зенодота, единственного, кто удостоился имени Проклова любимца. На него он возлагал величайшую надежду.

C (Σ^* 4.223.4) Он был раздосадован отказом, однако не подавал вида в присутствии посторонних³⁶.

³⁴ Ср. P1. O. 1.52.

³⁵ То есть, как показывает и предыдущий отрывок, несмотря на уговоры Прокла Исидор продолжал считать, что пост схолярха и связанные с ним публичные обязательства помещают ему не только заниматься философией, но и исполнить какое-то иное предназначение, предначертанное ему свыше. Фраза поэта 6 в. до н.э. Ивика (fr. 29 Page) со времен Платона (*Phdr.* 242d) стала общим местом в философской литературе. Ее цитирует Прокл в «Комментарии к *Государству*» (2.220), а Марин в самом начале своей «Жизни Прокла» перефразирует слова поэта, говоря, что, не выполнив свой долг по увековечиванию памяти о Прокле, он согрешит скорее не перед богами, а перед мудрыми людьми.

³⁶ Эти три отрывка показывают, насколько сложен для Прокла был процесс

А (Σ 2.687.3 + Φ 283 + Φ 276 + Φ 155 + Φ 156) Теаген, афинянин, архонт, муж честолюбивый и высокородный, среди эллинов блистающий своим богатством, которое он использовал как должно, выправляя ошибки, совершенные некоторыми городами, и помогая нуждающимся, причем раздавая дары не одной, но сразу, по пословице, обеими руками³⁷. Он любил одаривать людей, и даже слишком любил, не зная меры. Много денег он потратил на содержание учителей, врачей и другие дела, полезные для города. Таковы похвальные качества Теагена. Однако он был вспыльчив и не терпел невнимания по отношению к себе, и всеми средствами стремился к тому, чтобы все, не исключая и философов, пресмыкались перед ним. Презируя и оплевывая других, в особенности тех, кто казался влиятельным и стремился проявить себя в имперской политической жизни, и в то же время предпочитая новые почести традиционным формам благочестия, он незаметно для себя принял вульгарный образ жизни, отстранившись от эллинов и обычаев своих предков. Ускользнуло от него и то, что теперь его окружали вовсе не верные друзья, а лживые подлизы. Не сохранил он и то уважение к философии, которое некогда испытывал, на словах окружая себя философами, а не деле — прислужниками.

Это-то и стало первопричиной его недоверия к Марину. Марин же, сохраняя достоинство, традиционное для философов, служил ему с должным уважением — ведь он служил справедливости и всему тому, что прилично для философии, а вовсе не лести и грубости, — не был заносчивым, раздражительным или надменным по отношению к нему при встречах и не позволял себе более того, что допустимо для простого гражданина, стараясь при встре-

выбора подходящего преемника. В отрывке А, как предполагает Атанассиади, может идти речь об александрийском платонике Асклепидоте, который в то время жил в Афродисии и был очень богат (о нем Дамаский много пишет в различных частях своей «Истории»). Зенодот (отрывок В) также был значимым кандидатом. Мы не знаем, кто из них был отвергнут (отрывок С).

³⁷ Марин в «Жизни Прокла» (29) также называет Теагена благодетелем.

чах и прощениях проявлять должную почтительность, приличествующую одному из первых людей города, а может, и всего государства ромеев. Ведь был он одним из ромейских патрициев, важным лицом в государственном совете (синклите) василевса, выделяясь знатностью своего происхождения, изысканными манерами, а также явными стараниями и заботой о литературном труде.

В (Ф 157 + Σ 2.687.31) Теаген выделялся среди всех тех, кто созывался на большой совет, не только во всех прочих отношениях, но и как философ. И даже Марин способствовал росту его во всех отношениях блистательного величия.

101

А (*Σ 4.374.9) На публике он казался суровым, однако на деле проявлял себя совершенно иначе и мог быть добрым и проникательным.

В (*Σ 4.482.4) Когда случился раздор (στάσις), он занял более слабую позицию (συστοιχίαν), отступившись от прежней науки и обратившись к остальным.

С (Ф 277) Из-за этого раздора Марин удалился из Афин в Эпидавр, опасаясь, что их замысел состоял в том, чтобы нанести ему физический вред (τὰς ἄχρι τοῦ σώματος ἐκβαίνουσας ἐπιβουλάς)³⁸

102

(Ф 158 + Σ 4.142.3) Имущество диадохов не унаследовано, как многие думают, от Платона. Ведь Платон был беден, владея лишь садом в Академии, который составлял малую долю всей «диадо-

³⁸ Это вырванное из контекста сообщение может относиться к какому-то факту преследования неоплатоников со стороны христиан, причем Марину, возможно, пришлось по требованию властей пойти на какие-то уступки. Однако, как полагает П. Атанасиади (1999: 247, п. 273), более естественно видеть в этих фразах отражение той конфликтной ситуации, которая возникла в школе в последние годы жизни Прокла. Не исключено, что на весьма престижном посту главы школы Теаген желал видеть своего сына Гегия (см. fr. 145A), а Асклепидот Старший — сына своей дочери философа Асклепидота, который, должно быть, специально для этого оставил все в Афродисии и прибыл в Афины на зов Прокла (fr. 99A). В этой ситуации здоровье Марина вполне могло пошатнуться, и ему потребовалось отправиться в Асклепион в Эпидавре. См. также fr. 103B.

хики» (διαδοχικῶν). И доходы от этого сада не превышали трех золотых номисм, тогда как общий [годовой] доход при Прокле вырос до тысячи и более номисм, потому что благочестивые люди, любители наук, после своей смерти оставляли в разное время философам свое имущество, позволяющее им иметь досуг и спокойствие, необходимые для ведения философского образа жизни.

103

А (Ф 159) Однако давайте-ка сдадим назад кормой и вернемся к той теме, от которой мы отклонились.

В (Ф 160) Асклепидот, зять старшего Асклепидота, женившийся на его дочери, уже имел все необходимое для блистательной жизни, они же [выдвинулись] не благодаря подобным вещам и не используя брак как средство продвижения, но лишь благодаря тому, что были настоящими философами, достигшими к тому времени высот в своем мастерстве, один в силу природной пронырливости (ἰθυβόλου), другой — тщательной точности³⁹.

С (Ф 278) Марин, как и Прокл, не одной, а обеими руками защищали Исидора.

Д (Ф 279) Видя, насколько неукротимо его стремление и ненасытна любовь в наукам, Прокл влил в его душу источник речей, как иератических, так и философских⁴⁰, с восхищением наблюдая за тем, насколько открыт и восприимчив был его разум.

³⁹ Имеются в виду Исидор с его интересом к теургии и Марин, который к тому времени стал признанным знатоком математических наук. Можно было бы добавить и то, что еще один претендент, Гегий, также имел возможность воспользоваться поддержкой своего известного и богатого отца. Текст этого отрывка в рукописи испорчен и разными редакторами восстанавливается по-разному. Здесь приводится вариант, предложенный Атанассиади, которая, в частности, в специальном приложении подробно анализирует данные Дамаския о философе Асклепидоте, который учился в Александрии и затем женился на дочери богача из Афродисии Асклепидота старшего (Athanassiadi 1999: 348–349). Справедливости ради следует заметить, что в отличие от Гегия Асклепидот также был к тому времени известным философом, правда, ориентированным скорее на естественные науки и Аристотеля, нежели на Платона. Биографические данные о нем см. во fr. 80, 83, 85, 86, 90, 95, 122с и др.

⁴⁰ То есть «Халдейские оракулы» и сочинения Платона. Мы не знаем, о ком из учеников Прокла идет речь в этом отрывке, но скорее всего — об Исидоре.

Е (Ф 280) Он уступил, негодуя по поводу их взаимных упреков и обид.

104

А (Ф 281) Сотрясало (ἔσεισεν)⁴¹ неким неестественным трясением (σεισμόν), которое не было порождением природы.

В (Ф 282) Была некая аттическая женщина, весьма поднаторевшая в способах (μηχανάς) убеждения, что и доказала на деле.

С (*Σ 1.402.18) Она молилась богу, прося дать ей безыскусный и святой совет и научить тому, как ей поступить.

105

А (Σ* 1.375.3) Архиад⁴². Он так проявил качества своей души: когда большая часть его имущества была разграблена, то, видя огорчение Теагена, тогда еще ребенка, по поводу всего утраченного и разоренного, он сказал ему: «Крепись, Теаген! Благодарите богов за то, что они спасли наши жизни, о деньгах же не горюй.

⁴¹ Атанассиади (1999: 250) полагает, что причиной этого землетрясения был человек, и переводит: «Он/она сотрясал(а)...», считая, что так Дамаский мог, например, метафорически описывать гнев Прокла по поводу разногласий между своими учениками или же отсылать к каким-то сверхъестественным способностям дочери Плутарха Асклепигении старшей (о которой ниже идет речь), а может, и самого Прокла, сверхчеловеческие способности которого подчеркивает Марин (*Procl.* 28).

⁴² Марин в «Жизни Прокла» (14, 17 и 29) сообщает, что он был внуком Плутарха, другом Прокла и успешным политиком. Молитва Прокла, обращенная к Асклепию, спасла единственную дочь Архиада Асклепигению младшую (внучку Асклепигении старшей, дочери Плутарха), которая затем вышла замуж за Теагена и стала матерью будущего руководителя Академии Гегия — вероятно, в качестве заместителя отсутствующего в Афинах Исидора (fr. 145 и 148с). Можно и далее проследить эти родственные связи, тесно переплетенные с историей Академии. Атанассиади (1999: 253, п. 277) обращает внимание на панафинейскую аттическую надпись на статуе конца 4 – начала 5 в. (IG ii/iii² 3692), в которой упоминается «светлейший Гегий, сын Тимократа, архонт-эпоним (то есть архонт, по имени которого обозначается год)» — должно быть, старший родственник Архиада, возможно, муж старшей Асклепигении. Статуя позже была заново посвящена «софистом» Плутархом — вероятно, учителем Прокла. В свою очередь, одного из сыновей сына Архиада Гегия также звали Гегием (fr. 146). Упоминаемое разграбление Афин обычно идентифицируют с нападением вандалов в 467 г. (см. Frantz et al. 1988: 78).

Если бы Афина, покровительница города, повелела потратить все эти деньги на Панафинеи, то разве бы мы не пожертвовали ради нее все, что у нас есть? Настоящее же состязание (ἀγῶνα) следует считать еще более славным и святым, нежели Панафинеи или любое другое».

В (Ф 284) Таков он был телом и душой, способный поразить окружающих своей рассудительностью, если обстоятельства требовали серьезных и здравых поступков и слов. Любезным же он был с теми, кто был любезен с ним.

С (Ф 161 + Ф 162) Источник, дающий воду святую и приятную; так что муж, слагающий стихи, описывал его рот и все лицо так, словно это была обитель самих муз.

Д (Ф 163) В случае любых сомнений они сразу же шли к нему, как друзья к другу.

145

А (Ф 221) Никогда прежде мы не слышали о подобном пренебрежении к философии в Афинах, и нам не доводилось прежде видеть такого бесчестия, какому она подвергалась при Гегии.

В (Σ* 2.550.3) Гегий. Он превосходил своего отца [Теагена] добродетелью и образованностью. В молодости он и сам надеялся, и другие верили в то, что он в будущем не уступит в славе великому Плутарху⁴³. Ведь не зря Прокл счел юношу достойным того, чтобы слушать его комментарии к «Халдейским оракулам». Он по природе стремился к знаниям и благочестивому образу жизни. Но, как всегда, богатство нанесло большой вред его душе, предоставив богатое пастбище лъстецам, так что не только деньги (это было бы не так ужасно), но и его юную и неокрепшую душу они поглотили так же легко, как животные траву на зеленом лугу. Именно они разрушили жизнь Гегия и отвратили его от истинного философствования. Отчасти сохраняя былой интерес к исследованиям природы, временами он вообще утрачивал понимание того, что есть правильное размышление. Стремясь быть

⁴³ То есть продолжит славные философские традиции того рода, к которому принадлежал.

святое других, он от имени своих родственников втайне (так как не получал у них разрешения) совершал религиозные ритуалы по всей Аттике и возобновил множество обычаев, к тому времени давно преданных забвению, со рвением отважным, но вряд ли благочестивым⁴⁴. Так он приобрел в обществе скандальную известность, а также привлек внимание опасных врагов, одни из которых завидовали огромному состоянию, которым он распоряжался, а другие плели против него заговоры при поддержке властей. В том, что касалось благодеяний, в Гегии угадывалось нечто от высокомерной природы Теагена, но он был расчетливее своего отца, за исключением случаев, когда необходимо было оказать помощь друзьям и нуждающимся.

146

А (Ф 223 + Σ 2.464.20 + Ф 222) Евпифий и Архиад, два сына Гегия. Евпифий был, пожалуй, талантливее [своего брата], но позволял себе поведение, допустимое лишь для простолюдинов, и даже более неподобающее, чем у иного простолюдина. Короче говоря, он был значительно хуже своего отца. Архиад же в целом превосходил своей добродетельностью как отца, так и, в немалой степени, многих других, однако он пренебрегал философскими занятиями, так и оставаясь в этом деле неучем из-за развращающего влияния отцовского богатства. Но к святой жизни он стремился более, чем другие, упражняясь в священнодействии на деле и на словах не менее, чем его отец. О Гегии я могу засвидетельствовать то же самое. Так что о чистой совести Архиад заботился не менее старательно, чем иные философы.

В (Σ 1.78.6) Нет ничего важнее для человека, чем незапятнанная совесть. Надлежит на благопристойный манер сосуществовать со

⁴⁴ Должно быть, учитывая текущую политическую ситуацию, когда язычество повсеместно преследовалось официальной церковью. Люк Бриссон (Brisson 2017: 337) считает, что льстецы, изначально окружающие Гегия, были христиане (возможно, принадлежащие к семье со стороны его жены). Именно они начали ему мстить сразу, как только он вспомнил о своем долге и, не спросив их согласия, стал приверженцем платонической религии.

своим ближними. Если же истинное благо противоречит видимому благу, то не следует предпочитать это последнее или же отдавать преимущество чему-либо иному, кроме истины, не избегая опасностей предстоящего спора, не страшась сложного дела, не стремясь к незаконной выгоде и не уступая во имя долгой дружбы или из-за родственных связей⁴⁵.

С (Σ 3.568.15) Нечестиво представляться мудрецом в великом тому, кто не стал им в малом.

Д (*Σ 1.389.5) Ведь ненадежным, так сказать, был этот человек и в отношении остальных добродетелей.

Е (Σ 2.464.30) Все это было заметно, и я не раз сам наблюдал, как его спутники раздувались от пустой и бестолковой спеси. Будучи наполнены этими страстями, они не способны были на сдержанное поведение даже в разгар этого дела. Со стороны все это выглядело, как юдоль зла (μισούδουκα κακῶν)⁴⁶ <...> [их поведение] ничем не отличалось от того, что типично для простолюдинов. Диомед⁴⁷ был развращен их компанией и, не обладая выдающимися способностями, оказался в еще большей степени подверженным заведенному порядку. Из-за льстецов он утратил способность мыслить здраво, хотя по природе и был человеком, склонным к занятиям философией, которой, как говорил Сократ, не может навредить и которую не может разрушить никакое внешнее зло, но только внутреннее. Так оно и случилось, и философия пала из-за того бесчестия, которое испытала у себя дома. Ведь того человека, который должен был сохранять ее и способствовать ее улучшению, они воспитали сластолюбцем, вознесшимся выше, чем он того достоин, тем самым незаметно для себя самих погрязнув во всевозможных непотребствах.

147

(Σ* 4.358.20) Сильван, философ. В иных отношениях был способным и благочестивым, но нравом простоват и зауряден.

⁴⁵ Речь идет скорее не о «*sed magis amica veritas*», а о религиозной «свободе совести» в ситуации гонений на платоников со стороны христиан.

⁴⁶ Или «юдоль пороков». Далее очевидная лакуна в тексте.

⁴⁷ Мы ничего о нем не знаем. Атанассиади предполагает, что это мог быть один из внуков Гегия.

А (Ф 224) Телом он был слаб и недалек от смерти.

В (Ф 225) Но теперь он неохотно выслушивал доводы, так как выбор, который представлялся хорошим, не соответствовал его ожиданиям.

С (Ф 226) Часто заводя об этом разговор и настаивая, Марин убедил Исидора признать решение большинства (ψήφισμα) по поводу диадохии [преемства], и он был избран в результате голосования скорее почетным (ἀξιωματι) диадохом Платонической школы (ἐξηγήσεως), нежели действительным (πράγματι).

Д (Ф 303) Озарив светом густую темень.

Е (Ф 304) Сторонники Марина приняли слова юноши и были ему весьма рады.

А (*Σ 1.377.10) Правителю следует делать все в интересах подвластных. Гегий же считал, что правителю надлежит заботиться не столько об интересах подвластных, сколько о своих собственных. Ведь каждый желает блага сначала для себя, а уже затем для других. Исидор же говорил, что правитель, <если он [настоящий] правитель, заботится о подвластных>; поэтому они его и слушают. Если же он беспокоится и о себе, значит, и он тоже подвластный и нуждается в попечении. Ведь правитель в строгом смысле слова не нуждается ни в чем, хотя как человек <может в чем-то и нуждаться, как в ремесле может нуждаться человек>, даже если он сам мастер — например, доктор в лечении, если сам заболел. Но сама медицина не может заболеть, равно как и врач в качестве носителя медицинских знаний; то же относится и к правителю, если его определить в терминах науки управления. Можно переформулировать это и в логических терминах, тогда окажется, что взаимное отношение между этими вещами выражается не только на словах, но и на деле. То есть отношение правителя к подвластным и подвластных к правителю и высказывается, и существует, а значит, если власть приносит пользу подвластным, то полезно оно и источнику самой власти.

В (*Σ 4.734.1) Муж философ приносил добра в жизнь [людей] больше, нежели доблестный царь.

С (Σ 3.162.20) Размеренность и благоразумие — это не только избавление от противоположных им пороков несоразмерности и несдержанности и способ отстранения от них, это — сама жизнь, активная и осознанная. Одно преобразует худшее в нас в нечто лучшее, а другое выстраивает и упорядочивает страсти в нашей душе. И кроме того, в душах всех, к ним приближающимся, они порождают и другие, родственным им добродетели.

150

(Ф 227) «Если, как ты, Гегий, утверждаешь, иератические занятия [теургия] — это божественное дело, — говорил ему Исидор, — то и я, пожалуй, скажу то же. Вот только тем, кому должно быть богами, прежде следовало бы стать людьми. Поэтому и Платон говорил, что к людям не приходило дара более прекрасного, чем философия. Но так вышло, что ныне она стоит не на лезвии бритвы, но на острие (ἀκμῆς), воистину, крайней дряхлости (τοῦ ἐσχατοῦ γήρωσος)»⁴⁸.

151

А (Ф 305) Трудности в этом деле не прекращались.

В (Ф 228) Он не осознавал, что уже не мог это излечить, и то, что испорчено, уже не исправить; поэтому он ничего и не достиг.

С (Ф 229) Ранней весной, когда душа Марина оставила тело, Исидор решил на то, чтобы покинуть Афины.

Д (Σ* 3.568.16) Так как разыскать исчезнувшего брата было праведным делом, он отправился в Карию.

Е (Ф 230) Исидор упрасивал Сириана⁴⁹ и Гегия поступить как должно и сохранить исчезающую философию.

Ф (*Σ 4.631.21 + *Σ 3.334.19) Он прожил небесполезную жизнь, насколько я могу судить об этом, не обжирался, как многие, на пи-

⁴⁸ Цитируется *Ti.* 47b.

⁴⁹ Это имя более нигде не встречается; возможно, имеется в виду вышеупомянутый Сильван (*fr.* 147).

рах и стремился не к бесстыдствам, но к знанию, и спешил к нему под руководством бога.

152

(Σ 4.345.25 + Φ 306) Пока я следовал за речением философа о его собственной цепи [преемства], само течение мысли каким-то образом направило меня по пути поиска того места, которое занимает его душа в этой цепи [среди других душ этого] чистого хора, и, заставив отклониться в сторону, повело по жизненному пути тех диадохов, которых избрал Прокл.

Литература

- Афонасин, Е.В. (2019), “Идеальный наставник в «Философской истории» Дамаския”, *Платоновские исследования* 10.1: 172–196.
- Гюнтер, Р.; Корсунский, А.Р. (1984), *Упадок и гибель Западной Римской империи и возникновение германских королевств*. М.: Издательство МГУ.
- Месяц, С.В. (2013), “Трансцендентное начало в неоплатонизме и учение о генадах”, В.В. Петров (ред.), *ПЛАТΩΝΙΚΑ ΖΗΤΗΜΑΤΑ. Исследования по истории платонизма*, 169–209. М.: Круг.
- Щетников, А.И., пер. (2013), *Прокл Диадох. Комментарий к первой книге «Начал» Евклида*. М.: Русский фонд содействия образованию и науке.
- Adler, A., ed. (1928–1938), *Suidaе Lexicon*. 4 vols. Leipzig: Teubner.
- Afonasin, E.V. (2017), “Neoplatonic Asclepius: Science and Religion at the Crossroads of Aristotelian Biology, Hippocratic Medicine and Platonic Theurgy”, *Studia Antiqua et Archaeologica* 23.2: 335–351.
- Afonasin, E.V. (2019), “An Ideal Teacher in Damascius’ *Philosophical History*”, *Platonic Investigations* 10.1: 172–196. (In Russian.)
- Afonasin, E.V., Afonasin, A.S. (2014). “The Houses of Philosophical Schools in Athens”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 8.1: 9–23.
- Athanassiadi, P., ed. (1999), *Damascius. The Philosophical History*. Athens: Aramea Cultural Association.
- Asmus, R. (1911), *Das Leben des Philosophen Isidoros*. Leipzig: Felix Meiner.
- Brisson, L. (2017), “Family, Political Power and Money in the Neoplatonic School of Athens”, *ΣΧΟΛΗ (Schole)* 11.2: 333–340.

- Edwards, M.J., tr. (2000), *Neoplatonic Saints. The Lives of Plotinus and Proclus by their Students*. Liverpool University Press.
- Frantz, A; Thompson, H; Travlos, J. (1988), *The Athenian Agora: Results of Excavations Conducted by the American School of Classical Studies at Athens, XXIV Late Antiquity: A.D. 267–700*. Princeton: American School of Classical Studies at Athens.
- Henry, R., ed. 1959–1977. *Photius. Bibliotheca*. 8 vols. Paris: Les Belles Lettres.
- Morrow, G., tr. (1970), *Proclus. A Commentary on the First Book of Euclid's Elements*. Princeton University Press.
- Oikonomides, A.I.N., ed. (1977), *Marinos of Neapolis. The Extant Works, or the Life of Proclus and the Commentary on the Dedomena of Euclid. Testimonia de vita Marini*. Chicago: Ares Publishers.
- Taisbak, Ch., ed. 2003, *Euclid's Data, or the Importance of Being Given*. Copenhagen: Museum Tusulanum Press.
- Walz, Chr., ed. (1832–1836), *Rhetores Graeci*. 9 voll. Stuttgartiae et Tubingae: sumptibus J.G. Cottae, etc.
- Zintzen, C., ed. 1967. *Damascius. Vitae Isidori reliquiae*. Hildesheim: G. Olms.